

По ту — С Т О Р О Н У — Сновидений

Григорий Кирьянов

По ту сторону сновидений

<https://litres.ru/74283923>

SelfPub; 2026

Аннотация

После смерти отца принцесса Тайрен отказалась от престола ради спасения королевства. Она думала, что навсегда закрыла эту дверь. Но ей начинают сниться сны о жизни из параллельной вселенной, в которой она выбрала корону.

Погружаясь всё глубже в эти видения, Тайрен обнаруживает связь между двумя мирами и раскрывает заговор, начавшийся ещё до смерти её отца. Оказывается, её судьба была написана задолго до того, как она сделала свой выбор.

В мире, где каждое решение рождает новую реальность, ей предстоит узнать, можно ли изменить будущее, если оно уже однажды случилось.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Григорий Кирьянов

По ту сторону сновидений

Глава 1

Хальстен - самый некрасивый замок в Кайрвене, если верить моему отцу, и у его подножия самый шумный город, если верить всем остальным. Отец прав насчёт замка, приземистый, серый, с окнами, которые прорубили так высоко и так узко, что свет в них попадает будто по большому одолжению. Но насчёт города ошибаются. Город не шумный. Город живой, а это разные вещи, я знаю эту разницу лучше многих, потому что с самого детства изучила все вдоль и поперёк.

Я знаю, во сколько повариха Гретта кинется с руганью на нерастопленную печь. Знаю, как заскрипит первое ведро у колодца. Знаю, каким голосом сапожник Верн на углу зовёт покупателей, а каким собственную жену, и что второй голос куда приятнее. Знаю, что если в кузнечном ряду с самого утра стоит особенно частый звон, значит, куют наконечники, а не мечи, потому что для наконечников молот бьёт вдвое быстрее. Всё это - не знания принцессы. Это знания человека, который слишком много лет удирал от нянек через кухонную дверь, чтобы посмотреть, как устроен мир снаружи.

В то утро я сбежала совершенно законно, с разрешением

отца и даже с поручением, что случалось нечасто и оттого особенно радовало.

- Возьми Роэна и посмотри, готовы ли новые наконечники для гвардии северной заставы, - сказал он за завтраком, не отрываясь от письма, которое читал уже третий раз подряд. - И если старый Харвальд снова начнёт жаловаться на цену угля, не спорь с ним. Он прав.

- Он всегда прав насчёт угля, - согласилась я. - И совершенно неправ насчёт того, что я маленькая девочка, которую надо провожать до дома.

Отец наконец поднял глаза и улыбнулся той самой полуулыбкой, которую я особенно любила, потому что она означала, что он на моей стороне, даже когда вслух ворчал обратное.

- Ты двадцать четыре года как не маленькая девочка, Рен, - сказал он. - Просто Харвальд помнит тебя совсем маленькой.

Роэн ждал меня у ворот, уже в лёгком дорожном плаще, и по его лицу я сразу поняла, что он предвкушает эту вылазку не меньше моего. Мы оба выросли на этих улицах и оба знали, что настоящий Кайрвен начинается не в тронном зале, а там, где пахнет хлебом, углём и мокрой шерстью одновременно.

Рынок встретил нас именно так, как встречает всегда, гулом, в котором ни одно отдельное слово не разобрать, зато вместе они складываются в понятную и очень живую песню. Зерно из западных земель, шерсть с холмов, вяленая рыба,

которую утром привезли с побережья и которая всё ещё пахла солью сильнее, чем рыбой. Торговка репой узнала меня и, как обычно, попыталась всучить два кочана в подарок, а я, как обычно, заплатила за оба, потому что знала, откажись я, она обидится на неделю вперёд. Дальше, у прилавка с полотном, ткачиха жаловалась соседке на новую партию шерсти, слишком грубая, говорила она, годится разве что на плащи гарнизонным, а не на приличное платье, и я мысленно взяла на заметку спросить у казначея, не оттуда ли берётся ткань для солдатских плащей.

- Ваше высочество опять портит мне торговлю честно-стью, - проворчала торговка репой без всякой настоящей досады в голосе.

- Кто-то же должен, - ответила я, и мы обе улыбнулись этой старой, привычной игре.

Кузнечный ряд начинался за две улицы от рынка, и его всегда было слышно раньше, чем видно. Харвальд стоял у наковальни голым по пояс, несмотря на осенний холод, и обрабатывал полосу металла с той сосредоточенностью, с какой другие люди молятся. Увидев нас, он не остановился - лишь скосил глаза и буркнул, чтобы мы немного подождали, пока он вернёт поковку в горн.

- Наконечники для заставы, - сказала я, когда он наконец воткнул щипцы в угли и повернулся к нам. - Отец интересуется, готовы ли.

- Готовы три сотни, ещё две будут к концу недели. -

Харвальд вытер руки о фартук, который, кажется, не менял со дня моего рождения. - Уголь опять подорожал, ваше высочество. Скажите отцу, что если так пойдёт, я скоро буду ковать из чистого возмущения.

- Он сказал, что вы правы насчёт угля, - ответила я. - И я передам, что вы придумали новый способковки.

Харвальд хмыкнул, это был максимум веселья, на который он был способен при свидетелях, и пообещал, что заставские наконечники будут готовы вовремя. Я вспомнила, что говорил гонец накануне про ранние набеги, и попросила его прибавить к заказу ещё сотню сверх обычного, если зима в предгорьях будет скудной, лучше, чтобы у заставы было чем встретить непрошенных гостей, а разбираться с казначе-ем из-за перерасхода я готова была взять на себя.

- Сотню сверху, - повторил Харвальд, приподняв бровь. - Отец знает?

- Отец узнает, когда я ему скажу, - ответила я. - Считайте это моим поручением.

Он ничего не ответил, только коротко кивнул, для него это было равносильно клятве на мече, и я знала, что заказ будет выполнен даже раньше срока.

Дальше по ряду работали лучники, и это ремесло всегда казалось мне тише кузнечного, но не менее упрямым, тонкая работа с деревом, выдержка тетивы, подгонка оперения, которое должно ловить ветер именно так, а не иначе. Кайрвенские луки - составные, длинные, переняли эту выделку

у степных соседей ещё во времена моего прадеда, и с тех пор ни один настоящий лучник не притронется к простому цельному дереву, если можно взять составное. Старший мастер гильдии, седой Ансель, показал мне новую партию тетивы, натянутую и просушенную по особому способу, который он вычитал в каком-то полустёртом трактате и от которого, по его словам, стрела теперь летит на добрых тридцать шагов дальше прежнего. Я не разбиралась в тетивах настолько, чтобы оценить разницу, но кивала с должным восхищением, потому что видела, как загораются у мастеров глаза, когда кто-то интересуется их ремеслом всерьёз.

Роэн, разумеется, не смог пройти мимо тренировочного поля Ордена Хальстена, где утренний отряд как раз заканчивал разминку. Он не служил в Ордене формально, его присяга была мне лично, а не короне вообще, но тренировался с ними достаточно часто, чтобы капитан гарнизона здоровался с ним как со своим.

- Пять минут, - сказал он с извиняющейся улыбкой, которая означала не меньше пятнадцати.

Я не возражала. Смотреть, как рыцари Ордена отрабатывают связки ударов на деревянных манекенах, было куда приятнее, чем слушать очередной доклад о налогах, а кроме того, у меня было ещё одно дело, для которого компания Роэна не требовалась.

Мора держала свой прилавок на самой окраине рынка, там, где шум толпы стихал до терпимого уровня, а запах

трав перебивал запах рыбы. Она знала меня с младенчества, в буквальном смысле, потому что именно её отвар когда-то сбил мне первую детскую горячку, и обращалась со мной так, как ни один придворный себе не позволил бы, без титулов, зато с той прямоотой, которая дороже любой почтительности.

- Явилась наконец, - сказала она вместо приветствия, не поднимая головы от пучка сушёного зверобоя. - Я уже думала, ты забыла дорогу к простым людям.

- Я никогда не забываю дорогу к людям, у которых лучший в городе травяной чай, - ответила я, присаживаясь на низкую скамью рядом с прилавком.

- Лесть. - Мора наконец подняла на меня взгляд, острый и добрый одновременно. - Как отец?

- Занят письмами. Опять.

- Ну и хорошо, что занят, - сказала она и, помолчав, добавила уже тише, - хотя в последний раз, когда он заходил ко мне сам, жаловался на бессонницу. Просил что-нибудь понадёжнее обычного отвара.

Это меня удивило, отец никогда не жаловался на бессонницу, но я решила, что ничего страшного, с кем-то он должен быть королём, а с кем-то, видимо, просто уставшим человеком, и Мора для этого подходила лучше. Я попросила у неё пакет ромашки для Тессы, у которой в последнее время побаливала голова, и Мора завернула его в вощёную бумагу с той же ловкостью, с какой заворачивала эти пакеты, наверное, ещё до моего рождения. Сверху, не спрашивая платы,

она положила ещё один маленький свёрток.

- Мятная соль, - пояснила она в ответ на мой вопросительный взгляд. - Для гонцов с северной заставы, если увидишь кого. Дорога у них длинная, а от усталых ног до дурного настроя путь короткий.

- Ты продумала это заранее, - сказала я.

- Я знахарка, ваше высочество, а не гадалка, но иногда достаточно и того, что люди из года в год ездят по одной и той же дороге в одно и то же время.

Пока я ждала Роэна у края тренировочного поля, к прилавку зерноторговца подошёл человек, которого я узнала не сразу, в пыльном, потёртом плаще, с обветренным лицом и той особой сутулостью, которая появляется у людей после долгой дороги верхом. Только когда он заговорил с торговцем о цене на овёс для лошадей заставного гарнизона, я вспомнила, это был Далин, один из гонцов, которых отец изредка присылал с северной границы, от Стилого Хребта.

- Как там дела? - спросила я, подходя ближе, потому что любопытство пересилило вежливость ждать официального доклада.

Далин слегка поклонился, узнав меня, и на мгновение задумался, как отвечать, коротко или честно.

- Как обычно к концу осени, ваше высочество, - сказал он наконец. - Северные кланы спускаются с предгорий, когда у них заканчиваются запасы, и пробуют застав на прочность. В этом году раньше обычного, но пока ничего такого, с чем

застава не справилась бы сама.

- Пока, - повторила я.

- Пока, - согласился он с той сдержанной честностью.

Я купила у него самого лишний час его времени, несколько монет за подробности о заставе, которые он, кажется, был рад отдать кому-то, кто слушал внимательно, и узнала, что гарнизон держится, но людей в нём меньше, чем должно быть, и что зима в предгорьях в этом году обещает быть особенно скудной что для варваров, что для тех, кто их сдерживает. Отдала ему пакет мятной соли от Моря, чем удивила его едва ли не больше, чем расспросами.

Роэн наконец отвлёкся от тренировочного поля, взмогший и довольный собой, и мы пошли обратно тем же путём, каким пришли, в руках свёртки, часть наконечников от Харвальда, ромашка для Тессы, репа, а на душе было то самое чувство лёгкой усталости, которое остаётся после хорошего дня.

- Ты выглядишь довольной собой, - заметил Роэн, когда мы поднимались по улице к воротам замка.

- Я заказала Харвальду лишнюю сотню наконечников без ведома казначея, - призналась я. - Есть чем быть довольной.

- Отец узнает и будет ворчать.

- Отец будет ворчать одобрительно. Это разные виды ворчания, и я их прекрасно различаю.

Замок к вечеру снова становился тем, чем был всегда, местом, где даже уют пах немного официально. Стражники у

ворот кивнули нам привычно, во дворе кто-то из младших конюхов гонял по кругу молодую кобылу, и из открытого окна кухни доносился голос Гретты, распекающей нового поварёнка за подгоревшую корку хлеба с той же неутомимой энергией, с какой она делала это каждый вечер моей жизни. Тесса встретила меня у входа в жилые покои, обрадовалась ромашке куда больше, чем того заслуживала простая головная боль, и тут же увела свёртки с наконечниками к столынику, освобождая мне руки и заодно давая повод отправиться прямым ходом к отцу с докладом, а не откладывать на завтра.

Отец ждал меня в своём кабинете, и я, входя, уже знала по его позе, что что-то изменилось за то время, пока я была в городе.

На столе перед ним лежало письмо с сорванной печатью, и, когда он поднял на меня взгляд, я успела увидеть на его лице нечто среднее между тревогой и очень быстрым решением спрятать эту тревогу за привычным выражением лица.

- Наконечники готовы, - сказала я, как ни в чём не бывало.
- Три сотни сейчас, ещё две сотни к концу недели. И я заказала лишнюю сотню сверху, о чём казначей пока не знает.
- Харвальд опять жаловался на уголь?
- И придумал новый способковки. Из чистого возмущения.

Отец рассмеялся, слишком коротко для настоящего смеха, и одним движением сложил письмо пополам, убирая от моих глаз то небольшое, что там ещё оставалось видно.

- Что это? - спросила я, кивнув на письмо, потому что за двадцать четыре года я слишком хорошо изучила разницу между его обычным лицом и тем, которое он показывал мне сейчас.

- Ничего, что должно тебя занимать сегодня, - сказал он с той же полуулыбкой, что и утром, только теперь она держалась на его лице чуть дольше, чем нужно было бы, будь всё действительно в порядке.

- Ты так и не ответил. - Сказала я.

- Давай отложим это на завтра, Рен, - сказал он, с мягкой непреклонностью, спорить с которой я не умела с детства.

Я послушалась, потому что была голодна, устала и не хотела тревожить вечер. Но уже в дверях обернулась и успела увидеть печать, соскользнувшую на пол вместе со сложенным письмом, тёмно-красный воск с оттиском, которого я не встречала прежде ни на одном письме, приходившем в этот дом за все двадцать четыре года моей жизни.

Глава 2

Отец так и не ответил мне про письмо в тот вечер, и я честно собиралась вернуться к этому разговору за ужином, вооружившись всем упрямством, на какое способна дочь, выросшая рядом с человеком, который сам меня этому упрямству научил. У меня были заготовлены три захода, один хитрее другого, начать издалека с угля и Харвальда, потом как бы невзначай спросить про северные вести, а уже потом, когда он расслабится, ударить прямым вопросом про печать. План был хорош. Но ему не суждено было пригодиться.

Малая трапезная в этот час обычно пахнет тушёной бараниной и свежим хлебом, но в тот вечер вместо привычного запаха меня встретил звон колокола со стороны главных ворот, который в замке Хальстен означает одно из двух, либо пожар, либо кто-то приехал с жалобой, и оба случая требуют оставить ужин остывать. Я выглянула в окно галереи. Пожара не было.

У ворот стояла телега, запряжённая усталой лошадью, чья голова свисала так низко, что почти касалась земли, а вокруг неё десяток людей в грубых дорожных плащах, покрытых пылью настолько плотно, что первоначальный цвет ткани читался с трудом. Осенний вечер уже тянул из-за гор первый настоящий холод, и по тому, как они жались друг к другу, было ясно, что в дороге эти люди провели весь день, а

может, и не один. Стражник у входа что-то втолковывал им со всей возможной вежливостью, за которой ясно читалось «приходите завтра», а они слушали его с терпеливым упрямством, какое бывает только у преодолевших слишком много миль, чтобы теперь развернуться и уйти ни с чем.

- Пастухи из Раннвика, ваше высочество, - сказал стражник, заметив меня на галерее. - Говорят, срочное дело к королю. Я объяснил, что час поздний, но они, кажется, не намерены слушать.

Старший из них, невысокий жилистый человек с бородой, в которой сивого было больше, чем тёмного, выступил вперёд и снял шапку.

- Бренн, из Раннвика, - представился он, когда я спустилась к воротам сама. - Простите, что в такой час, ваше высочество. Мы не за тем, чтобы кого-то тревожить попусту. Но если король нас не примет сегодня, завтра наши поля уже будет нечем спасать.

Я могла бы отправить их ночевать в людской и назначить приём на утро, как поступил бы, наверное, любой разумный распорядитель дворцового этикета, для которого час позднего визита важнее самого визита. Вместо этого я велела стражнику проводить всех внутрь, к огню, и напоить горячим, а сама пошла искать отца.

Он нашёлся в своём кабинете, всё ещё за тем же столом. Я рассказала про пастухов в двух словах, ожидая, что он попросит перенести приём хотя бы до утра. Он не колебался

ни секунды.

- Зови их в большой зал, - сказал он, поднимаясь так быстро, что и кресло, и стол скрипнули. - И пошли Гретту, пусть найдёт им поесть, даже если придётся перевернуть полкухни.

Большой зал по вечерам обычно стоит тёмный и гулкий, годный разве что для официальных приёмов и того эха, которое так любят придворные поэты в своих балладах о величии дома Морвейн. В тот вечер в нём зажгли только половину светильников, придвинули к очагу простые скамьи вместо тронного возвышения, и от этого зал сразу стал меньше, теплее, больше похож на кухню зажиточного дома, чем на тронный зал королевства. Пахло воском, дымом и, немного погода, тушёной репой, которую всё-таки успела прислать Гретта. Отец сел не в кресло, а прямо на скамью вместе с пастухами, что заставило Бренна на мгновение растеряться, прежде чем он сообразил, что это приглашение сесть рядом, как равному за одним столом.

История оказалась простой и злой, как все истории про землю. Отряд гвардии, посланный на усиление северной заставы, прошёл через земли Раннвика по кратчайшей дороге и пустил лошадей пастись прямо в озимой пшенице, вместо того чтобы обойти поле по меже, как делает всякий, кто хоть немного понимает в земледелии. Часть урожая была вытоптана подчистую, часть помята настолько, что о ней можно было забыть до следующего года. Для большого поместья это

была бы досадная мелочь, вычет из общего изобилия. Для деревни в двадцать дворов, живущей с этой земли до следующей жатвы, это означало голодную зиму для половины семей, если помощь не придёт достаточно быстро, а зима в предгорьях начинается раньше и не спрашивает разрешения.

- Мы понимаем, что солдатам нужно на заставу, ваше величество, - говорил Бренн, комкая шапку в руках так, что она уже почти потеряла форму. - Мы не о том просим, чтобы гвардия ходила в обход ради нашего удобства всякий раз, когда идёт мимо. Мы просим только, чтобы кто-то посчитал, сколько мы потеряли, и сказал нам честно, чем это возместят, а не отмахнулся, что земля, мол, дело мужицкое и сама прокормит, как отмахнулся от нас управляющий заставы, когда мы попытались поговорить с ним на месте.

Отец слушал так, как не слушал даже собственных советников, не перебивая, не торопя, задавая ровно столько вопросов, сколько нужно было, чтобы понять картину до последней борозды, сколько именно акров, какой сорт пшеницы, успеют ли пересеять хоть часть до заморозков, есть ли в деревне те, кому эта зима грозит особенно тяжело, вдовы, старики без взрослых сыновей.

Я сидела рядом с отцом на той же скамье, между ним и краем очага, и где-то на середине разговора поймала себя на мысли, которая раньше мне в голову не приходила в таких словах, отец ведь мог просто выслушать жалобу и пообещать разобраться, что и сделал бы почти любой другой король на

его месте, и этого было бы вполне достаточно, чтобы люди ушли довольными хотя бы на словах. Он вместо этого пытался понять достаточно, чтобы решить правильно.

- Казна возместит стоимость вытоптанного урожая по осенней цене на зерно, - сказал он наконец, - и пришлёт семенное зерно на пересев уже на этой неделе, чтобы вы успели до заморозков спасти хотя бы часть поля. А капитану отряда я лично прикажу впредь обходить возделанные земли по меже, даже если это займёт больший путь. Лишний час солдата не стоит зимнего голода двадцати семей, и я не хочу, чтобы кто-то из моих людей когда-нибудь снова это забыл.

Бренн долго молчал, прежде чем поблагодарить, комкая шапку уже просто по привычке, и я поняла, что он ждал совсем другого ответа, привычного, вежливого и ничего не значащего, и не сразу нашёлся, что делать с настоящим.

- Ваше величество, - сказал он тихо, почти неловко. - Мы к вам за справедливостью шли, а не за милостью. Вы могли бы просто заплатить, чтобы мы ушли довольны, и никто бы вас не осудил за это.

- Мог бы, - согласился отец. - Только справедливость и есть та плата, после которой человек уходит, зная, что его выслушали по-настоящему, а не просто заткнули деньгами, чтобы не возвращался. Это дороже зерна, Бренн, и я хочу, чтобы вы унесли с собой именно это, а не только обещание казначея.

К тому времени, как последний пастух вышел из зала, бы-

ло уже далеко за полночь, и Гретта, которую вытащили из постели ради ужина для незваных гостей, ворчала на кухне с недовольством, которое было слышно даже через две двери и коридор. Тесса весь вечер металась между кухней и залом с подносами горячего отвара и хлеба, а под конец умудрилась ещё и раздобыть для замёрзших пастухов лишние одеяла из бельевой.

Роэн простоял у дверей зала весь вечер, как и полагается человеку на посту, но к концу позволил себе прислониться к косяку и выдохнуть с умиротворенным видом.

- Ты весь вечер молчал, - заметила я, когда мы наконец остались втроём с отцом в опустевшем, гулком зале, где в остывающем очаге ещё потрескивали угли.

- Я слушал, - ответил Роэн. - Больше, чем за прошедший месяц во дворце. - Он покосился на отца с тем уважением, которое не выражают вслух, если можно обойтись взглядом. - Не всякий король станет полночи разбирать потраву в двадцати дворах, когда мог послать управляющего с кошельком и коротким письмом.

- Управляющий посчитал бы акры и убытки, - сказал отец, устало садясь обратно на скамью, теперь уже без всякой торжественности. - Он не смог бы сказать этим людям, что их выслушали. А это единственное, чего нельзя купить и нельзя поручить, Рен, запомни это на будущее, если оно тебе когда-нибудь пригодится. Власть держится не на том, сколько ты умеешь решать. Она держится на том, готов ли ты слу-

шать то, что тебе неприятно слышать, и не отворачиваться.

Я не была уверена тогда, зачем он говорит это именно мне, именно в такую минуту, таким тоном, но кивнула и пообещала запомнить.

Он сам проводил меня до дверей моих покоев, чего не делал уже несколько лет, с тех пор как счёл меня достаточно взрослой, чтобы дойти по собственному замку без сопровождения. Роэн отстал у дверей, пожелав нам обоим спокойной ночи и, кажется, обрадовавшись случаю наконец сесть. Мы с отцом почти не разговаривали по дороге через тёмные галереи, и между нами стояло то спокойное, ничем не тяготящее молчание, какое бывает у людей, хорошо знающих друг друга.

У самой двери он остановился, взял меня за плечи обеими руками и посмотрел так внимательно, что я на мгновение смутилась, как в детстве, когда он проверял, не солгала ли я про разбитую вазу.

Он долго смотрел прямо в глаза. И после этого снял со своей руки серебряное кольцо, которое я помнила на нём столько же, сколько себя помню, и вложил его мне в ладонь, сжав мои пальцы своими.

- Пусть побудет у тебя немного, - сказал он. - Спокойной ночи, дочь.

И ушёл по коридору, не оглянувшись ни разу, хотя обычно оглядывался у поворота, чтобы помахать рукой. Это вызывало тревогу, грусть и недопонимание одновременно. Он

не называл меня дочерью с тех пор, как мне исполнилось четырнадцать лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.